

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щетинина Д.А. Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75470 EDN: QMJTLT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75470

Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций

Щетинина Дарья Александровна

ORCID: 0009-0007-0922-7104

ассистент; факультет социальных технологий и экономики данных; Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
аспирант; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр-т Большевиков, д.22, корп.1, ауд. 331/1

✉ shetinina.da@sut.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75470

EDN:

QMJTLT

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2025

Аннотация: Современное медиапространство претерпевает значительные изменения, связанные с усилением нормативного регулирования цифровой среды, что актуализирует необходимость тщательного изучения форм гражданского реагирования в условиях цифровой трансформации. Предметом данного исследования выступает цифровой активизм – особая форма гражданской коммуникации, проявляющаяся в социальных сетях и цифровых СМИ. Работа направлена на выявление речевых стратегий, посредством которых пользователи и медиаакторы интерпретируют нормативные инициативы в области медиарегулирования. Особое внимание уделяется устойчивым фреймам и речевым стратегиям, формирующими коллективные смыслы и отражающим общественное восприятие изменений в медиаполитическом пространстве России. Исследование также рассматривает роль цифровых платформ как пространства для формирования новых форм гражданской субъектности и взаимодействия между государством и обществом в условиях цифровой эпохи. Методологическая основа

исследования строится на сочетании контент-анализа и дискурс-анализа пользовательских публикаций в социальных медиа и цифровых СМИ, а также вторичный анализ динамики поисковых запросов по ключевым информационным повесткам. Проведенное исследование выявило ключевые особенности цифрового активизма в контексте трансформации медиаполитики России. Были обнаружены устойчивые фреймы интерпретации нормативных инициатив – «информационная безопасность», «тотальный контроль», «рациональное несогласие», «гражданская ответственность» – каждый из которых реализуется через разнообразные дискурсивные стратегии: ироническое дистанцирование, экспертную критику, мобилизационные призывы и прагматическую аргументацию. Анализ кейса закона о «суверенном интернете» продемонстрировал эволюцию дискурса от рациональных обсуждений к более поляризованным и эмоционально насыщенным позициям. Обнаружено, что нормативные изменения стимулируют активизацию цифрового гражданства и формируют новые формы субъектности, проявляющиеся в публичных высказываниях и дискурсе. Полученные результаты позволяют глубже понять механизмы формирования общественного мнения в цифровой среде и могут быть применены для прогнозирования реакции общества на дальнейшие изменения в медиарегулировании, а также для разработки стратегий коммуникации и участия в цифровом медиапространстве.

Ключевые слова:

медиаактивизм, медиаполитика, дискурсивные стратегии, нормативные инициативы, цифровая среда, онлайн-коммуникация, медийное регулирование, социальные медиа, публичный дискурс, цифровая субъектность

Введение

Цифровизация общественно-политических процессов привела к принципиальному изменению роли медиаактивизма, превратив его из инструмента борьбы за демократичные медиа в многогранный механизм политического воздействия, одновременно выполняющий функции катализатора изменений в обществе и посредника между обществом и властью [1]. Медиаактивизм приобретает особое значение как форма гражданской активности, встроенная в цифровую коммуникативную реальность и тесно связанная с медиаполитическими процессами. Он предполагает использование медиаресурсов и коммуникационных стратегий для продвижения различных целей – от информирования и мобилизации до борьбы за доступ к медиа и влияния на медиарегулирование [2].

В рамках цифрового медиаактивизма особое значение приобретает информирование как первичный и направляющий элемент гражданского высказывания. Именно оно формирует основу для последующей общественной реакции, определяя акценты интерпретации происходящего и фокусируя внимание на ключевых проблемах. В этой связи важным понятием становится информационный активизм (или инфоактивизм), который трактуется как стратегическое использование информации и технологий для создания и распространения сообщений, способствующих социальным преобразованиям. Такая деятельность подчеркивает значение знаний и осведомлённости как условий для принятия решений и гражданского участия, направленного на достижение целей, связанных с социальной справедливостью [3]. Таким образом, цифровое распространение информации не ограничивается описанием фактов – оно становится

осмысленным инструментом воздействия, формирующим символические рамки общественного обсуждения и инициирующим процессы коллективной рефлексии.

Однако в условиях цифровой среды информирование перестает быть лишь актом передачи фактов – оно становится дискурсивной практикой в которой активисты конструируют смысловые рамки для интерпретации социальных и правовых изменений. Эти процессы напрямую сопряжены со сферой медиаполитики, устанавливающей правила публичной коммуникации и определяющей, какие интерпретации событий получают институциональную поддержку. В трактовке Н.Б. Кирилловой, медиаполитика – это система государственного управления медиасферой, определяющая цели, содержание и формы соответствующей деятельности с учетом правовых, идеологических и экономических факторов [4]. Вместе с тем, как подчеркивает Е. Л. Вартанова, медиаполитика представляет собой не только совокупность правовых норм, но и систему политических, общественных и профессиональных действий, направленных на регулирование, корректировку и стимулирование функционирования СМИ в обществе, с учетом «многочисленных потоков» и разнообразных интересов участников медиасферы [5]. Медиарегулирование все чаще рассматривается как динамичный процесс трансформации законодательства и политических действий различных общественных институтов по корректировке деятельности СМИ [6], в котором задействовано все большее число субъектов: государственные органы, медиаиндустрия, экспертное сообщество и группы гражданского общества. В этих условиях цифровая среда становится пространством, где сталкиваются и соотносятся официальные и альтернативные способы артикуляции общественной повестки.

В связи с этим особенно важен подход В.Н. Бузина, трактующего медиаполитику как не только нормативный, но и интерпретационный механизм. По его мнению, она неразрывно связана с объяснением и интерпретацией не только целей и задач государства, но и с освещением текущих событий и состояния дел [7], что позволяет говорить о ней как о средстве институционализации смыслов, рамок интерпретации и легитимных нарративов. С этой точки зрения медиаполитика выступает не столько как фиксированная система норм, сколько как подвижное дискурсивное поле, в рамках которого цифровой активизм приобретает возможность влиять на конфигурацию публичного знания и нормативной повестки.

Медиаполитика все более отчетливо проявляет себя не просто как регулятор медиапрактик, но как пространство борьбы за символическую власть, где устанавливаются рамки допустимого публичного высказывания и формируются нормативные ожидания в отношении информации. Именно в этом поле особенно актуален подход С.В. Степановой, трактующей медиаполитику как зону пересечения интересов государства, общества и медиарынка [8]. В ее интерпретации объектом медиаполитики выступают не только правовые и институциональные формы регулирования, но и процессы трансформации медиакультуры, опосредованные цифровизацией, политической модернизацией и влиянием глобальных коммуникационных потоков. Такой ракурс позволяет рассматривать медиаполитику как интегративную систему, в которой сопрягаются социокультурные, технологические и рыночные логики – и как инструмент стратегического управления медиасредой, направленный на закрепление определенного порядка в публичной сфере.

На этом фоне особую значимость приобретает институционализация регулирования цифровой коммуникации. В российском медиапространстве происходит усиление нормативного регулирования, изменение условий функционирования платформ, а также

формализация механизмов контроля за информационными потоками, что существенно меняет правила публичной коммуникации в сети и становится катализатором общественного дискурса.

Таким образом, в фокусе настоящего исследования находится дискурсивная динамика цифрового активизма, которая рассматривается как процесс смысловой и риторической адаптации гражданского высказывания к изменяющимся условиям медиаполитического регулирования. Анализируя фреймы и языковые стратегии, используемые в российской цифровой среде, можно выявить, как гражданские акты цифровой коммуникации трансформируются в ответ на институциональные сдвиги и как они участвуют в формировании новых моделей цифровой субъектности.

Цель данной статьи – проанализировать дискурсивную динамику цифрового активизма в контексте медиаполитических трансформаций в России, выявив стратегии смыслового оформления гражданских высказываний, фреймовые структуры и риторические модели, отражающие реакцию на институциональные изменения медиасреды.

Методология исследования

Методологическая основа исследования строится на сочетании контент-анализа и дискурс-анализа, выполняющих взаимодополняющие задачи. Контент-анализ применяется на первом этапе как инструмент извлечения и систематизации эмпирических данных: позволяет выявить тематические узлы, устойчивые фреймы и направленность пользовательских реакций. Дискурс-анализ, в свою очередь, направлен на интерпретацию высказываний как элементов коммуникативной практики – с учетом контекста, риторических приемов, стратегий выражения и оформления гражданской позиции. В такой логике контент-анализ обеспечивает эмпирическую базу для последующего дискурсивного прочтения пользовательских высказываний и выведения типичных риторических паттернов цифрового реагирования.

Анализ сосредоточен на выявлении фреймов и дискурсивных стратегий, с помощью которых пользователи цифровых платформ интерпретируют нормативные инициативы, связанные с регулированием медиасреды в России. Эмпирическая база охватывает период с 2018 по 2024 год. Именно с 2018 года начинается последовательное развитие ключевых инициатив по институционализации цифрового медиарегулирования (включая обсуждение концепции «суверенного интернета», регулирования платформ и распространения информации). Верхняя граница зафиксирована текущим состоянием медиадискурса, позволяющим проследить уже сложившиеся риторические конструкции, а также оценить их устойчивость и трансформации в контексте событий 2022-2024 годов.

Корпус анализа формировался из пользовательских публикаций в открытых цифровых источниках: социальных сетях (в первую очередь, «ВКонтакте» и Telegram), медиаплатформ, а также публичных комментариев к новостным материалам. В выборку включались сообщения, содержащие прямые или имплицитные высказывания о нормативных изменениях в сфере информационной политики. Тематически анализ ограничивался обсуждением наиболее значимых и резонансных инициатив, затронувших структуру и режим функционирования цифровой среды в России в 2018-2024 гг.: это закон о «суверенном интернете», законодательство о «фейках» и «иноагентах», инициативы по ограничению «чайлдфри»-риторики, а также случаи блокировки платформ и цифровых сервисов. Эти темы репрезентативны, поскольку они стали предметом массовых публичных обсуждений, сопровождались выраженной цифровой реакцией и иллюстрируют ключевые линии медиарегуляторных изменений.

Выборка строилась по ключевым словам, отражающим обсуждение конкретных инициатив в сфере регулирования цифрового медиапространства, с учетом пиков цифровой активности, установленных на основе данных сервиса «Яндекс.Вордстат». Для обеспечения тематического охвата анализу подвергались как спонтанные пользовательские высказывания, так и структурированные публикации в СМИ, форумах, блогах и Telegram-каналах. Объем выборки составил 300 единиц сообщений. В анализ также включены ключевые кейсы, в частности, развитие общественной реакции на закон о «суворенном интернете» в 2019 году.

Анализ проводился поэтапно. На первом этапе производилось кодирование смысловых единиц в соответствии с преобладающими тематическими фреймами. На втором этапе выделялись устойчивые нарративные конструкции и речевые стратегии: ирония, тревожные сценарии, мобилизационные обращения, юридическая аргументация и другие. На третьем этапе проводилось сопоставление результатов с официальными позициями, зафиксированными в заявлениях государственных органов и в новостной повестке.

Методологический подход позволил зафиксировать устойчивые элементы цифрового дискурса, отражающие восприятие трансформаций механизмов медийного контроля и проследить динамику гражданской реакции в условиях изменения нормативной среды. Выявленные фреймы и речевые стратегии рассматриваются как формы структурированной гражданской субъектности, проявляющейся в публичной интерпретации и символической переработке медиаполитических инициатив.

Медиаполитические изменения и усиление цифрового контроля как контекст цифровой активности

В условиях цифровизации и роста значимости онлайн-коммуникации усиливается внимание государства к вопросам информационного регулирования, что находит отражение в обновлении законодательной базы, изменении моделей взаимодействия с цифровыми платформами и разработке новых механизмов регулирования контента. Данные процессы, по наблюдениям Н.А. Баранова демонстрируют фундаментальный парадокс цифровой эпохи: технологии одновременно расширяют возможности гражданской активности и создают новые инструменты контроля [9]. Нормативные инициативы, касающиеся цифровой среды, в последние годы стали фактором, напрямую влияющим на репертуар гражданской активности.

Одним из заметных примеров стало принятие закона № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», получивший также неформальное название закона о «суворенном интернете» (Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон N 90-ФЗ: [принят Государственной Думой 16 апр. 2019 г.: одобрен Советом Федерации 22 апр. 2019 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Эта инициатива стала катализатором дискуссии об интернет-регулировании, зафиксированной как в публичной дискуссии, так и в цифровых каналах. Активизация гражданской рефлексии проявилась, в частности, в всплеске поисковых запросов «цензура в России» согласно статистическим данным сервиса «Яндекс.Вордстат» (Яндекс.Вордстат: [сайт]. – URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения 06.07.2025)).

Подобные цифровые реакции свидетельствуют о том, что изменения в медиаполитике

воспринимаются обществом не как абстрактные технические инициативы, а как вмешательство в знакомую, повседневную цифровую среду. Изначально формировавшаяся как «территория свободы», цифровая среда сделала общество более чувствительными к любым попыткам регулирования. В условиях открытого информационного обмена и активного сетевого взаимодействия нормативные инициативы становятся предметом интерпретации, рефлексии и символической артикуляции.

Согласно данным Яндекс.Вордстат, в период 2018-2024 гг. наблюдаются повторяющиеся всплески интереса пользователей к вопросам, связанным с медиаполитическими инициативами. Наиболее выраженные пики зафиксированы в ноябре 2019 года (в период принятия закона о «суверенном интернете») и в марте 2022 года, что соответствует моментам выхода в публичную повестку нормативных актов, затрагивающих коммуникационную сферу (рис.1).

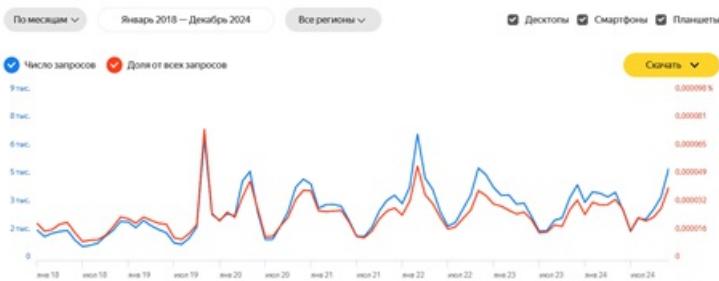

Рисунок 1 – Динамика поисковых запросов «цензура в России» (Яндекс.Вордстат)

В частности, в марте 2022 года одновременно вступили в силу и активно обсуждались следующие медиаполитические меры:

- принятие Федерального закона №32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в медиапространстве упоминаемый как «закон о «фейках», устанавливающий уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ (Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон N32-ФЗ: [принят Государственной Думой 4 мар. 2022 г.: одобрен Советом Федерации 4 мар. 2022 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);

- ограничение доступа к Facebook* и Instagram* (платформы, принадлежащие компании Meta, признанной экстремисткой организацией и запрещенной на территории РФ) (Facebook и Instagram официально запрещены в России // Известия: [сайт]. – 2022. – URL: <https://iz.ru/1308655/2022-03-22/facebook-i-instagram-ofitcialno-zapreshcheny-v-rossii> (дата обращения 06.07.2025) и блокировка информационных ресурсов, признанных иностранными агентами (РКН заблокировал в России «Голос Америки», «Медузу», BBC и Deutsche Welle // Интерфакс: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/826249> (дата обращения 06.07.2025)).

Значимыми для формирования цифровой дискуссии стали и другие медиаполитические решения, в том числе:

- май 2020: удаление аккаунтов российских государственных СМИ на платформе YouTube, продолжавшееся в последующие годы (YouTube заблокировал более 200 каналов российских СМИ и деятелей с 2020 года // ТАСС: [сайт]. – 2024. – URL:

<https://tass.ru/obschestvo/21327629> (дата обращения 07.07.2025), что положило начало обсуждению транснационального регулирования информации;

- декабрь 2020: принятие закона №482-ФЗ, предусматривающего возможность блокировки иностранных интернет-ресурсов за действия, интерпретируемые как дискриминация в отношении российских медиаматериалов (*Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»: Федеральный закон N 482-ФЗ: [принят Государственной Думой 23 дек. 2020 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2020 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*);
- ноябрь 2022: внесение изменений в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления ответственности за распространение контента, трактуемого как пропаганда отказа от деторождения (т.н. «закон о запрете пропаганды «чайлдфри»») (*Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон N 401-ФЗ: [принят Государственной Думой 12 нояб. 2024 г.: одобрен Советом Федерации 20 нояб. 2024 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*);
- декабрь 2023: вступление в силу закона №406-ФЗ, ограничивающего регистрацию на российских онлайн-платформах с использованием иностранных электронных почтовых сервисов (*Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи»: Федеральный закон N 406-ФЗ: [принят Государственной Думой 26 июл. 2023 г.: одобрен Советом Федерации 28 июл. 2023 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*);
- декабрь 2024: вступление в силу закона «о запрете пропаганды «чайлдфри»».

Наблюдаемая последовательность медиаполитических решений позволяет говорить о формировании целостной нормативной логики, ориентированной на институционализацию цифрового пространства, расширение оснований для ответственности за информационные действия и усиление контроля за архитектурой доступа. При этом каждое из перечисленных законодательных нововведений не просто фиксируется в правовом поле, но сопровождается публичной дискуссией в цифровой среде, что позволяет рассматривать медиаполитику не только как сферу юридической регуляции, но и как дискурсивный феномен. Эти нормативные акты становятся отправной точкой формирования коллективных представлений об информационном порядке, ценностях публичной коммуникации и допустимых границах цифрового поведения.

Реакция пользователей на медиаполитические инициативы не только носит ситуативный характер, но также демонстрирует наличие устойчивых риторических и семиотических практик, позволяющих оформлять отношение к происходящему. Нормативные изменения становятся триггерами дискурсивной активности, формирующей интерпретационные рамки. Публичные высказывания по поводу медиаполитики включают не только оценки, но и моделирование желаемой цифровой реальности, в которой гражданин стремится сохранить пространство для действия, самовыражения и информационной автономии.

Именно в этом контексте медиаполитика становится предметом дискурсивной переработки, а цифровой активизм – каналом рефлексивного участия, в котором нормативная среда интерпретируется, оспаривается, переопределяется и осмысливается

через разнообразные формы цифрового высказывания. Переходя от наблюдения за правовыми новациями к анализу фреймов, нарративов и риторических стратегий, можно более глубоко понять, как в условиях трансформирующегося медиаполя формируется современная цифровая субъектность.

Дискурсивные стратегии цифрового активизма

Рассматривая цифровой активизм как дискурсивную практику, важно учитывать, что публичные высказывания пользователей структурируются согласно определенным фреймам. В настоящем исследовании понятие фрейма используется в традиции И. Гофмана и работ по анализу социальных движений. Согласно Гофману, фреймы – это «схемы интерпретации», которые позволяют людям «находить, воспринимать, идентифицировать и обозначать события» в своём жизненном мире [\[10\]](#). Они придают смысл происходящему, структурируют восприятие и направляют поведение. В рамках подхода Сноу и Бенфорда, фреймы коллективного действия не только интерпретируют реальность, но и мобилизуют сторонников, легитимируют действия и задают оппозицию [\[11\]](#). Таким образом, фреймы представляют собой смысловые конструкции, организующие публичное реагирование и создающие условия для выражения цифровой субъектности.

В контексте цифрового активизма фреймы выполняют ключевую функцию структурирования гражданских высказываний: они упрощают и направляют интерпретацию медиаполитических инициатив, позволяя пользователям определить своё отношение к происходящему – как участника, критика, наблюдателя или защитника. Публичные реакции в цифровой среде формируются не хаотично, а через устойчивые фреймовые конструкции, которые придают нормативным изменениям определенный смысл: как угрозу свободе, необходимость защиты, возможность развития или повод для протеста. Эти фреймы служат когнитивными опорами, упорядочивая восприятие происходящего и превращая разрозненные высказывания в структурированные символические позиции.

Вместе с тем сами по себе фреймы задают лишь базовую структуру интерпретации. Их реализация в цифровом дискурсе осуществляется посредством дискурсивных стратегий – комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [\[12\]](#). Такие стратегии позволяют пользователям не только артикулировать определенную фреймовую позицию, но и варьировать ее модальность: усиливать эмоциональную окраску, подчеркивать рациональную аргументацию или задавать форму публичной презентации (табл.1).

Таблица 1. Дискурсивные стратегии в цифровом активизме

Фрейм	Интерпретационная логика	Дискурсивная стратегия	Пример
Информационная безопасность	Контроль контента и ограничение внешних платформ рассматриваются как меры по обеспечению стабильности, цифрового суверенитета и сохранению	<ul style="list-style-type: none"> Инициация угрозы – представление внешних платформ как источников идеологической, культурной или политической опасности; Противопоставление 	<ul style="list-style-type: none"> «Это позволи обеспечить устойчивую, безопасную работу всей критической информационной инфраструктуры... случае оказания на нее внешних недружественных

	национальной идентичности	<p>«своих» и «чужих» - создание бинарных оппозиций: «мы/они»;</p> <ul style="list-style-type: none"> · Моральная аргументация – акцент на защите традиционных ценностей, семьи, идентичности; использование лексики моральной тревоги; · Инклюзия большинства – апелляция к общественному согласию. 	враждебных воздействий»;
Тотальный контроль	Подавление альтернативных мнений через манипуляцию информацией и ликвидацию независимых СМИ	<ul style="list-style-type: none"> · Саркастическая делегитимация – представление мер контроля через иронию и акцент на бытовых социальных издержках и негативных последствиях; · Тревожное информирование – акцент на угрозах свободе слова и неопределенности законодательных норм с целью вызвать беспокойство. 	<p>· «Создан очень мощный инструмент борьбы с мнением отличающимся о официальной позиции.</p> <p>Останется понять где именно “единственно верный” источник официальной информации»</p> <p>· «Сегодня блокируют сайты соцсети, а завтра запретят обсуждать политику даже на кухне»</p> <p>· «Размыты понятия законопроекте их трактовки могут вызвать злоупотребления, отъем собственности, сведение счетов»</p>
Интернационализация	Сравнение ограничений	<ul style="list-style-type: none"> · Демонстрация универсальности 	<p>· «Такая ситуация с ужесточением</p>

	<p>опытом других государств</p>	<p>вызовов – подчеркивание, что проблемы регулирования интернета и баланс между свободой и безопасностью существуют во многих странах.</p> <ul style="list-style-type: none"> Инициация угрозы через иностранные практики – демонстрация и преувеличение негативных или спорных аспектов зарубежных систем. Рационализация выбора национальной модели – объяснение преимуществ и недостатков различных зарубежных подходов с целью оправдания выбранного направления регулирования. 	<p>государственного контроля з соцсетями складывается н только в России Китае – в других странах существуют похожие законы»</p> <ul style="list-style-type: none"> «Если сравнивать, где свободы слов меньше: в России или в Туркмении то окажется, что Туркмении, или Северной Корее еще меньше. Ну уж на уровне Беларуси России находится точно» «Россия долго время пыталась найти некий баланс между толерантной Европой авторитарным Китаем»
Гражданская ответственность	<p>Формирование представлений о должном порядке, участие граждан как обязанность и моральная норма</p>	<ul style="list-style-type: none"> Апелляция к гражданскому долгу – побуждение к участию в общественных процессах, представление активной позиции как значимого элемента функционирования демократического общества; Легитимация коллективного действия – обоснование общественных инициатив (в т.ч. протестных) как допустимые и 	<ul style="list-style-type: none"> «Все изменится однажды, если людям надоест терпеть и на акции протеста выйдут миллионы» «Вопрос свободе слова – это в первую очередь вопрос свободы СМИ» «Наступление на права граждан. власть пытается заткнуть все рты...»

			<p>правомерные формы выражения гражданской воли;</p> <ul style="list-style-type: none"> · Акцент на солидарности – поддержка отдельных групп или инициатив через представление коллективной ответственности как нормы общественного взаимодействия; · Сопоставление ролей власти и общества – противопоставление действий граждан и институтов власти.
Рациональное несогласие	<p>Рациональный разбор правовых, экономических и технических аспектов с прогнозом рисков и критикой неясности и неэффективности регулирования</p>		<ul style="list-style-type: none"> · Юридическая и техническая критика закона – указывать на правовые противоречия, технические сложности и уязвимости, чтобы обосновать сомнительность эффективности и безопасность закона; · Обоснование экономических последствий – демонстрировать рост издержек, снижение конкурентоспособности и возможный отток бизнеса, чтобы подчеркнуть негативное влияние на экономику; · Апелляция к противоречию между приоритетами развития государства и результатами ограничений. <ul style="list-style-type: none"> · «Централизация трафика в одни руки – критическая ошибка... Инфраструктура становится уязвимой» · «Закон суверенном интернете – это еще оди косвенный налог на предпринимателей который приведет к увеличению стоимости ведения бизнеса в России» · «В условия» когда развитии науки и технологии провозглашено стране государственным приоритетом, какую пользу е может принести ограничение обмена трафиком зарубежным

			интернет-пространством?»
--	--	--	--------------------------

Таким образом, представленные в таблице фреймы позволяют зафиксировать широкий спектр гражданских позиций по отношению к медиаполитическим инициативам — от нормативной поддержки и мобилизационного отклика до рационального несогласия и критической оппозиции. Очевидно, что цифровая реакция на изменения в медиасреде не сводится к бинарной оппозиции «за» или «против»: она включает в себя множество смысловых градаций и форм символической обработки.

Анализ фреймов в их сопряжении с дискурсивными стратегиями позволяет утверждать, что цифровой активизм в условиях трансформации медиаполитики опирается на разнообразные риторико-семантические конструкции — от мобилизующих до защитно-дистанцирующих. Пользовательские реакции не ограничиваются поддержкой или критикой: в цифровом дискурсе фиксируется сложная палитра смыслов, включающая тревожную рефлексию, прагматическую критику, ироничные высказывания и апелляции к гражданской ответственности.

Особую значимость приобретает фреймовая конкуренция, возникающая в цифровом пространстве: один и тот же нормативный акт может интерпретироваться через противоположные смысловые конструкции — как мера по обеспечению безопасности или как шаг к цифровой изоляции. Такая конкуренция формирует динамичную и часто поляризованную среду, в которой пользователи соотносят себя с различными интерпретациями, тем самым актуализируя элементы своей гражданской идентичности.

Кроме того, в пределах одного и того же дискурсивного пространства могут существовать фреймы с разной модальностью и риторической направленностью. Например, фрейм «рационального несогласия» строится на логике прагматической аргументации (экономические, технологические, правовые последствия регулирования), но часто реализуется рядом с более эмоциональными или тревожными высказываниями. Это свидетельствует о том, что цифровой активизм опирается на смешанный арсенал дискурсивных стратегий, с помощью которых пользователи не только выражают, но и оформляют, усиливают или переосмысливают свою гражданскую позицию.

Наиболее показательной иллюстрацией описанных дискурсивных стратегий выступает траектория публичного обсуждения закона о «суверенном интернете». Эта медиаполитическая инициатива спровоцировала высокую пользовательскую активность и стала точкой концентрации цифровых смыслов, в которой пересеклись разные интерпретации и коммуникативные практики. Таким образом, обсуждение «суверенного интернета» становится продуктивной эмпирической площадкой для анализа динамики фреймового оформления и стратегического выражения гражданской позиции в условиях медиаполитической трансформации.

Для анализа были отобраны 100 публикаций в СМИ и социальных сетях (в частности, «ВКонтакте» и X (Twitter)), размещенных в период с марта по декабрь 2019 года. Этот временной отрезок охватывает основные этапы: обсуждение инициативы, принятие закона, а также первые месяцы после его вступления в силу.

В официальной коммуникации подчеркивалась необходимость защиты устойчивости российской интернет-инфраструктуры в условиях возможного ограничения доступа к международным сетевым ресурсам. Подобная аргументация сопровождалась ссылками на внешнеполитические документы, в частности, Стратегию кибербезопасности США

(2018), в которой был зафиксирован курс на «поддержание мира посредством силы» (*National cyber strategy of the United States of America // The White House: [сайт]. – 2018.* – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 27.07.2025)). Таким образом, нормативные меры позиционировались как превентивные в контексте усиливающейся геополитической нестабильности.

В то же время в цифровом дискурсе начала складываться альтернативная интерпретация этих инициатив, в центре которой на начальном этапе находилась техническая критика. Пользователи, специалисты в области ИТ и телекоммуникаций акцентировали внимание на рисках замедления интернет-соединения, сложностях, связанных с внедрением технологий глубокой фильтрации трафика (DPI), и высоких издержках на реализацию инфраструктурных изменений. Общественная рефлексия на данном этапе строилась преимущественно вокруг технических, технологических и экономических аргументов, формируя дискурсивную рамку рационального несогласия.

По мере продвижения законодательной процедуры в дискурсе усиливался критический компонент и происходит смещение акцентов от технической составляющей к более широким интерпретациям, в которых инициатива рассматривалась как потенциальная угроза открытости и доступности цифровой среды. Начали появляться призывы к мобилизации граждан и публичным выступлениям против предполагаемого ограничения цифровых свобод.

В июне 2019 года в официальной риторике появились ответы на критику, звучавшую в публичном пространстве: подчеркивалось, что закон предназначен исключительно для защиты цифровой инфраструктуры и «не предусматривает ограничений». В это же время в официальных заявлениях начали использоваться экономические аргументы: подчеркивалась поддержка отечественного IT-сектора, создание рабочих мест и повышение цифрового суверенитета. На фоне этого критические оценки стали менее интенсивными, сосредоточившись преимущественно на возможном снижении скорости интернета «до уровня 1990-х годов».

После вступления закона в силу в ноябре 2019 года фокус официальной риторики сместился к демонстрации технологической эффективности. Проведение учений и тестирования системы преподносилось как подтверждение ее стабильности даже в условиях кибератак. Акценты делались на защите от кибершпионажа, предотвращении утечек данных и обеспечении безопасного функционирования государственных сервисов.

Одновременно с этим в цифровом активистском дискурсе наблюдалось усиление политизированной критики. Пользователи акцентировали внимание на возможностях фильтрации интернет-трафика, увеличении числа блокировок сайтов, и потенциальной слежке за действиями граждан в онлайн-среде. Это сопровождалось переходом от прагматической аргументации к эмоционально окрашенным высказываниям.

Таким образом, анализ данного кейса демонстрирует, как меры медиаполитическая становятся точкой фокусировки общественного внимания, вызывая поэтапное формирование цифрового дискурса: от экспертных обсуждений – к мобилизационным и политически ангажированным стратегиям. Внутренняя динамика риторики (как со стороны официальных каналов, так и в пользовательском сегменте) иллюстрирует, каким образом трансформируются интерпретационные рамки в ходе институционализации

медиаполитических решений.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности цифрового активизма в условиях изменения медиаполитики в России. Анализ цифровых реакций на нормативные инициативы в сфере информационного регулирования показал, что медиаактивизм не только адаптируется к институциональным ограничениям, но и становится важным каналом общественной рефлексии, способным оформлять альтернативную интерпретацию происходящих изменений.

В ходе качественного анализа цифрового дискурса, сформировавшегося вокруг медиаполитических решений 2018-2024 годов, были выявлены устойчивые фреймы интерпретации (такие как «информационная безопасность», «тотальный контроль», «rationальное несогласие», «гражданская ответственность»), которые отражают ключевые линии смысловой артикуляции в реакциях на медиарегулирование и задают структуру символической репрезентации событий. Каждый из них реализуется через специфические дискурсивные стратегии — риторические ходы, позволяющие усилить, модифицировать или эмоционально окрасить гражданскую позицию. Такие стратегии включают ироническое дистанцирование, экспертную критику, мобилизационные призывы и прагматическую аргументацию, формируя разнообразный репертуар высказываний.

Кейс закона о «суверенном интернете» показал, как медиаполитическая инициатива запускает многофазную дискурсивную реакцию: от технической критики и экономических опасений — к политизированной мобилизации, символическим интерпретациям и устойчивым риторическим практикам. Наблюдаемая смена аргументации в публикациях коррелирует с изменением риторики официальных источников, что подтверждает взаимовлияние институционального и гражданского сегментов медиаполитического поля. Эта динамика демонстрирует, что цифровой активизм не просто реагирует на отдельные законы, но формирует долгосрочную символическую оптику, через которую воспринимаются последующие регуляторные меры.

Таким образом, цифровой активизм в условиях трансформирующегося медиапространства можно рассматривать как форму смысловой и коммуникативной субъектности, способную не только интерпретировать, но и моделировать альтернативные сценарии цифровой современности. Он выполняет функции медиатора между нормативными инициативами и общественным восприятием, а также способствует формированию устойчивых гражданских идентичностей в цифровой среде.

Библиография

1. Щетинина Д. А. Трансформация дефиниций медиаактивизма в исследовательском дискурсе // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 36. С. 66-82. DOI: 10.24412/2949-2513-2025-36-66-82. EDN: TJODDI.
2. Pickard V., Yang G. (ред.) Media activism in the digital age. Taylor & Francis, 2017. 248 с.
3. Cuevas-Cervero A., Colmenero-Ruiz M.-J., Martínez-Avila D. Critical information literacy as a form of information activism // The Journal of Academic Librarianship. 2023. Т. 49, Вып. 6. С. 1-7. DOI: 10.1016/j.acalib.2023.102786. EDN: NVCILR.
4. Кириллова Н. Б. Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: [учеб. пособие] / Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 110 с. EDN: UWZAPH.

5. Вартанова Е. Л. Медиаполитика: актуальный академический дискурс // Меди@льманах. 2019. № 1 (90). С. 8-17. EDN: IDIJII.
6. Siune K., Truetzschler W. Dynamics of Media Politics: Broadcast and Electronic Media in Western Europe. London: Sage Publications Ltd, 1992. 230 с.
7. Бузин В. Н. Медиаполитика как интерпретация // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. № 3. С. 8-22. EDN: HNTSQL.
8. Степанова Н. В. Сущностные характеристики медиаполитического дискурса // Дискурс. 2025. Т. 11, № 1. С. 138-154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154. EDN: OZAUAX.
9. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 66-72. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072. EDN: CTZZVT.
10. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
11. Snow D. A., Benford R. D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Т. 1. С. 197-218.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с. EDN: UFGTFJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций" представляет собой исследование в области языковой политики и медиадискурса.

В статье автор анализирует особенности функционирования российской медиасреды. Цель исследования заключается в анализе дискурсивной динамики цифрового активизма в контексте медиаполитических трансформаций в России, а также в выявлении стратегии смыслового оформления гражданских высказываний, фреймовых структур и риторических моделей, отражающих реакцию на институциональные изменения медиасреды.

Метод исследования - сочетание контент-анализа и дискурса анализа.

Материал исследования определялся объемом выборки и составил 300 единиц сообщений, опубликованных в мессенджерах ВК и Телеграм в период с 2018 по 2024 гг. Анализ данных производился в 3 этапа, включавших кодирование единиц, выделение устойчивых нарративных конструкций и анализа результатов.

В заключении исследования автор приходит к ряду выводов.

"Анализ цифровых реакций на нормативные инициативы в сфере информационного регулирования показал, что медиаактивизм не только адаптируется к институциональным ограничениям, но и становится важным каналом общественной рефлексии, способным оформлять альтернативную интерпретацию происходящих изменений.

В ходе качественного анализа цифрового дискурса, сформировавшегося вокруг медиаполитических решений 2018-2024 годов, были выявлены устойчивые фреймы интерпретации (такие как «информационная безопасность», «тотальный контроль», «рациональное несогласие», «гражданская ответственность»), которые отражают ключевые линии смысловой артикуляции в реакциях на медиарегулирование и задают структуру символической презентации событий. Каждый из них реализуется через специфические дискурсивные стратегии — риторические ходы, позволяющие усилить,

модифицировать или эмоционально окрасить гражданскую позицию. Такие стратегии включают ироническое дистанцирование, экспертную критику, мобилизационные призывы и прагматическую аргументацию, формируя разнообразный репертуар высказываний.

Кейс закона о «сouverенном интернете» показал, как медиаполитическая инициатива запускает многофазную дискурсивную реакцию: от технической критики и экономических опасений – к политизированной мобилизации, символическим интерпретациям и устойчивым риторическим практикам. Наблюдаемая смена аргументации в публикациях коррелирует с изменением риторики официальных источников, что подтверждает взаимовлияние институционального и гражданского сегментов медиаполитического поля. Эта динамика демонстрирует, что цифровой активизм не просто реагирует на отдельные законы, но формирует долгосрочную символическую оптику, через которую воспринимаются последующие регуляторные меры".

На основании представленной методики исследования и объема анализируемых данных выводы можно считать достоверными.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Автор недостаточно ясно обосновывает новизну и актуальность исследования, при том, что исследование, безусловно, является таковым.

Однако данные недостатки не препятствуют рекомендации статьи к публикации.

Таким образом, статья "Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций" может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera".